

Гильямон Агустин.

Последняя речь Дуррути

2014, источник: [здесь](#).

"Мы, анархисты, можем оказаться в тюрьме, погибнуть, как погибли Обрегон, Аскасо, Сабатер, Буэнавентура Дуррути и Пейро, чьи жизни достойны того, чтобы их воспел Плутарх. Мы можем умереть в изгнании, в концентрационных лагерях, в маки или хосписе. Но занимать пост министра – это невыносимо" (Хайме Балиус, «Ради привилегии истины», *Solidaridad Obrera/Le Combat Syndicaliste*, 2.09.1971). 4 ноября 1936 года люди с нетерпением ожидали услышать незапланированное выступление Дуррути по Радио НКТ-ФАИ, которое транслировалось на всю Испанию барселонскими радиостанциями. В тот самый день печать известила о том, что четверо анархистов заняли посты министров в мадридском правительстве: Федерика Монтсени, Хуан Гарсиа Оливер, Хуан Лопес и Жоан Пейро.

Колонне Дуррути не удалось взять Сарагосу. Трудности со снабжением оружием были главной проблемой на фронте. Дуррути прибегал ко всем средствам, каким только мог, чтобы раздобыть оружие. Он даже отправил отряд милиционеров в начале сентября в карательную экспедицию в Сабадель, чтобы заставить отдать оружие, которое хранилось для планировавшейся, но так и не созданной Колонны «Сабадель». Кроме того, 24 октября Женералитат одобрил Декрет о милитаризации милиций, который с 1 ноября вводил в действие старый Кодекс военной юстиции. И друзья, и враги внимательно ждали, что же скажет Дуррути.

Еще до выступления люди собирались около громкоговорителей, установленных на деревьях бульваров Лас-Рамблас, которые использовались для трансляции революционных песен, музыки и новостей. Повсюду в Барселоне, где только было радио, люди с нетерпением ждали, когда диктор объявит: «Говорит Дуррути».

Декрет о милитаризации страстно обсуждался в Колонне Дуррути, и она решила не принимать его, поскольку он не мог ни улучшить условия борьбы милиционеров-добровольцев 19 июля, ни обеспечить их оружием. От имени Военного комитета Дуррути подписал меморандум в адрес «Совета» Женералитата. Он был принят на Осерском фронте 1 ноября и содержал ответ на ненавистный военный кодекс.

Колонна отвергла необходимость казарменной дисциплины и противопоставила ей превосходство дисциплины революционной: «Милиционеры – да, солдаты – никогда».

Как делегат Колонны, Дуррути намеревался озвучить возмущение и протесты бойцов Арагонского фронта в связи с явно контрреволюционным курсом, который нарастал в тылу.

В 9.30 вечера радио начало передавать речь Дуррути.

«Трудящиеся Каталонии! Я обращаюсь к каталонскому народу – благородному люду, который 4 месяца назад смел преграду военщины, желавшей придавить его своим сапогом. Я передаю вам привет от братьев и товарищей, что сражаются на Арагонском фронте, в нескольких километрах от Сарагосы и уже видят башни Пиларики.

Несмотря на угрозу, нависшую над Мадридом, надо иметь в виду, что народ сейчас поднялся на ноги, и ничто на свете не заставит его отступить. Мы сопротивляемся на Арагонском фронте ордам арагонских фашистов, и мы обращаемся к мадридским братьям, чтобы сказать им, что и им следует держаться. Милиционеры Каталонии исполнят свой долг, как тогда, когда они бросились на улицы Барселоны, чтобы сокрушить фашизм. Рабочие организации не должны забывать, каким на данный момент должен быть самый насущный долг. На фронте, в окопах живет лишь одна мысль, одна цель. Он твердо смотрит вперед, с единственной целью – сокрушить фашизм.

Мы просим народ Каталонии о том, чтобы интриги и недостойные конфликты прекратились, чтобы вы были на высоте ситуации. Прекратите споры и политику и подумайте о войне. Народ Каталонии обязан соответствовать тем силам, которые сражаются на фронте. Нет иного средства, кроме как мобилизовать все, что можно, и пусть не думают, что надо мобилизовать всегда одних и тех же. Если трудящиеся Каталонии должны взять на себя ответственность за пребывание на фронте, настал момент потребовать от каталонского народа жертв и со стороны тех, кто проживают в городах. Необходима действительная мобилизация всех трудящихся тыла, потому что мы, уже находящиеся на фронте, хотим знать, на каких людей позади себя мы можем полагаться.

Я обращаюсь к организациям и прошу их прекратить споры и козни. Мы, на фронте, просим честности, прежде всего, от Национальной конфедерации труда и ФАИ. Мы просим лидеров быть честными. Недостаточно посылать нам на фронт хвалебные письма; пусть нам пришлют одежду, еду, патроны и винтовки. Необходимо также, учитывая обстоятельства, предвидеть будущее. Эта война сопровождается всеми тяготами современной войны и дорого обходится Каталонии. Лидеры должны понимать, что если война продлится долго, необходимо приступить к организации экономики Каталонии, надо установить нормы экономического порядка.

Я не расположен больше писать письма с тем, чтобы подруги или дети милиционеров получили кусок хлеба или еще один стакан молока, хотя есть советники, которые могут без ограничения есть и тратить. Мы обращаемся к НКТ-ФАИ, чтобы сказать ей, что, как организация, которая контролирует экономику Каталонии, она должна организовать ее, как следует. И пусть никто не помышляет о повышении зарплаты и сокращении рабочего времени. Долг всех трудящихся, особенно из НКТ, – пойти на жертвы и изготовить то, в чем есть нужда.

Если мы и вправду ведем борьбу за нечто более высокое, продемонстрируйте это милиционерам, которые краснеют от стыда, когда видят в газетах эти подписки в их пользу, эти бумажки с просьбой помочь им. Фашистские самолеты, являясь к нам, сбрасывают нам

газеты, в которых мы можем прочесть такие же точно списки подписчиков на сборы в пользу бойцов, – такие же, какие составляете вы, не больше и не меньше. Поэтому мы должны сказать, что мы не нищие, и поэтому не принимаем благотворительности ни в каком виде. Фашизм представляет социальное неравенство, по сути, он и есть социальное неравенство. И если вы не хотите, чтобы мы, те, кто сражается, перепутали вас, в тылу, с нашими врагами, исполните свой долг. Война, которую мы сейчас ведем, служит для разгрома врага на фронте, но это не единственный враг. Врагом является и тот, кто выступает против революционных завоеваний и находится среди нас самих – и мы разгромим и его.

Если вы хотите уменьшить опасность, нужно создать гранитный блок. Политика – это искусство козней, искусство жить (как паразиты); она должна быть заменена искусством трудиться. Настал момент предложить профсоюзным организациям и политическим партиям покончить с этим раз и навсегда. В тылу надо уметь управлять. Мы, фронтовики, хотим иметь за спиной ответственность и гарантию, и мы требуем от организаций, чтобы они позаботились о наших женщинах и детях.

Если эта милитаризация, введенная декретом Женералитета, предназначена запугать нас и навязать нам железную дисциплину, то они ошиблись. Пойдемте, просчитавшиеся советники, с вашим декретом о милитаризации милиций! Если вы разговариваете о железной дисциплине, я говорю вам: поехали со мной на фронт. Здесь находимся мы, кто не принимает никакой дисциплины, потому что мы сознательны для того, чтобы выполнить свой долг. И вы увидите наш порядок и нашу организацию. А потом мы приедем в Барселону и спросим о вашей дисциплине, вашем порядке и вашем контроле, которых у вас нет.

Будьте спокойны. На фронте нет никакого хаоса, никакой недисциплинированности. Мы все ответственные люди и сознаем, какое сокровище вы нам доверили. Спите спокойно. Но мы вышли из Каталонии, доверив вам экономику. Сделайте ответственными и дисциплинированными самих себя. Не спровоцируйте нас, с нашей неосведомленностью, после этой войны, на гражданскую войну между нами.

Если каждый думает, что его партия – самая могущественная и может навязывать свою политику, то он ошибается, поскольку фашистской тирании мы можем противопоставить единую силу; должна быть только одна организация, с единой дисциплиной. Эти фашистские тираны ни за что на свете не пройдут там, где стоим мы. Таков девиз фронта. Им мы говорим: «Вы не пройдете!». А вам следует кричать: «Они не пройдут!»»

Через несколько часов после того, как люди услышали Дуррути, они еще продолжали комментировать то, что он сказал с присущими ему энергичностью и прямоотой. Его слова с силой и чувством прозвучали в барселонской ночи, выразив то, что на самом деле думал трудящийся класс. Это был сигнал тревоги, который напомнил трудящимся об их роли как революционных активистов. Дуррути никого не обожествлял, и рабочий класс не обожествлял его.

Он дал понять, что бойцы милиций, которые противостоят фашизму на поле боя, не намерены допустить, чтобы кто-либо исподтишка погубил революционное и

освободительное содержание борьбы: они сражались не за Республику или буржуазную демократию, но за торжество социальной революции и освобождение пролетариата.

Во всей речи не было ни единой демагогической или риторической фразы. Это был строгий выговор тем, кто сверху, и тем, кто снизу. Рабочим и иерархам НКТ, сотнями развалившимся на ответственных постах, рядовым гражданам и советникам Женералитата или блестящим министрам-анархистам. Гневное обличение бюрократических извращений революционной ситуации, созданной 19 июля, и обвинением в адрес политики правительства, с конфедератами впереди на подмостках или без них. В тылу, к сожалению, путают долг с благотворительностью, управление с командованием, функцию с бюрократией, ответственность с дисциплиной, соглашение с декретом и пример с порядком и приказом. Угроза «спуститься в Барселону» оживила страх среди политических представителей буржуазии, хотя было уже слишком поздно исправлять непростительную и наивную ошибку июля, когда революцию отложили «до взятия Сарагосы», из-за теоретических упущений и нехватки видения у либертарного движения. Но власти не угрожают напрасно: его слова, адресованные братьям по классу, имели высокую ценность революционного завещания. Завещания, а не декларации, потому что его ждала объявленная смерть, которую посмертное обожествление превратило в загадку.

Немедленным следствием радиовыступления стал созыв Компанисом на следующий день, 5 ноября, в 11 часов вечера, во Дворце Женералитата внеочередного собрания всех его советников и представителей всех политических и профсоюзных организаций, чтобы обсудить растущее сопротивление исполнению декрета о милитаризации милиций, а также роспуску революционных комитетов и их замене муниципалитетами Народного фронта. Дуррути был источником и мишенью обсуждения, хотя все избегали произносить его имя. Компанис поднял вопрос о необходимости покончить с «неконтролируемыми», которые, независимо от любой политической и профсоюзной организации, «все разрушают и компрометируют всех нас». Коморера (ОСПК) заявил, что ВСТ изгонит из своих рядов тех, кто не исполняет декретов, и призвал все остальные организации сделать то же самое.

Секретарь НКТ Марианет, похваставшись жертвами, которые принесли анархисты своим отказом от собственных идейных принципов, стал жаловаться на отсутствие такта в деле немедленного применения Кодекса военной юстиции и заверил, что, благодаря декрету о роспуске комитетов и усилиям НКТ, неконтролируемых с каждым разом становится все меньше. Надо не исключать группы, а побороть сопротивление, не вызывая бунтов, и убедить отдельных людей.

Нин (ПОУМ), Эррера (ФАИ) и Фабрегас (НКТ) высоко оценили усилия всех организаций по нормализации ситуации после 19 июля и укреплению власти нынешнего Совета Женералитата. Нин вмешался в спор между советником по обороне Сандино и Марианетом о причинах сопротивления против декрета о милитаризации, заявив, что «по сути дела, все согласны» и что в массах существуют некоторые опасения «потерять то, что они завоевали», но «рабочий класс согласен формировать настоящую армию». Нин видел решение возникшего конфликта в создании комиссариата по военным делам, в котором были бы представлены все политические и профсоюзные организации.

Коморера, куда более непримиримый, чем Компанис и Тарадельяс, заявил, что главная проблема коренится в недостаточной власти Женералитата. По его словам, «группы неконтролируемых продолжают творить, что хотят», не только в вопросе милитаризации и руководства войной или единого командования, но и в том, что касается роспуска комитетов и формирования муниципалитетов, действий, наносящих ущерб собиранию оружия в тылу или мобилизации, которой он предсказал провал. Недостаток власти Коморера распространил даже на коллективизацию: она «продолжается по прихоти, не подчиняясь декрету, которая ее регулирует». Компанис согласился с возможностью внести изменения в Военный кодекс и создать комиссариат по военным делам.

Коморера и Андреу (Левые республиканцы Каталонии) настаивали на том, что необходимо исполнять декреты и заставить это делать. Собрание завершилось единодушным обращением к каталонскому народу с призывом к дисциплинированному исполнению всех декретов Женералитата и согласием всех организаций выразить в печати свою поддержку всем правительственным решениям. Никто не высказался против милитаризации: проблема для политиков и бюрократов состояла лишь в том, как заставить людей повиноваться ей.

6 ноября Совет министров Республики единогласно (включая голоса четырех министров-анархистов) принял решение о бегстве правительства из Мадрида, осажденного фашистскими войсками. Презрение со стороны местной федерации НКТ Мадрида отразилось в великолепном публичном манифесте, в котором провозглашалось: «Мадрид, свободный от министров, станет могилой фашизма. Вперед, бойцы милиций! Да здравствует Мадрид без правительства! Да здравствует Социальная Революция!». 15 числа часть колонны Дуррути уже сражалась в Мадриде, под командованием самого Дуррути, который сначала отказывался покинуть Арагон, но его, в конце концов, убедили Марианет и Федерика. 19 ноября случайная или не случайная пуля ранила его на Мадридском фронте, где он и умер на следующий день.

В воскресенье 22 ноября в Барселоне медленно продвигался вперед огромный, нескончаемый, хаотический и неорганизованный похоронный кортеж, и два музыкальных оркестра, которым никак не удавалось играть в унисон, только увеличивали путаницу. Кавалерия и моторизованные части, которые должны были идти впереди кортежа, были блокированы толпой. Машины, которые везли венки, отъехали назад. Кавалерийский эскорт пытался пройти вперед, на свой страх и риск. Рассыпавшиеся музыканты пытались собраться посреди путаной массы, которая несла антифашистские плакаты и размахивала красными, красно-черными и полосатыми флагами. Кортеж возглавляли многочисленные политики и бюрократы, а публичный акт монополизировали президент Женералитата Компанис, советский консул Антонов-Овсеенко и анархистский министр юстиции Республики Хуан Гарсиа Оливер, которые произносили речи у памятника Колумбу, чтобы продемонстрировать толпе свое ораторское мастерство.

Гарсиа Оливер предвосхитил те же самые аргументы насчет искренней дружбы и братства между антифашистами, которые использовал потом в мае 1937 г., чтобы помочь усмирить баррикады рабочего восстания против сталинизма. Советский консул положил начало идеологической манипуляции в отношении Дуррути, сделав из него сторонника военной дисциплины и единого командования. Компанис разыграл сцену с самым подлым

оскорблением, заявив, что Дуррути «погиб от удара в спину, как умирают трусы... или как умирают те, кто убит трусами». Все трое сходились в расхваливании на все лады антифашистского единства. Катафалк Дуррути был превращен в трибуну контрреволюции. Трое ораторов, высшие представители буржуазного правительства, сталинизма и бюрократии НКТ, пытались присвоить себе популярность прежде опасного неконтролируемого, а сегодня – забальзамированного героя. Когда гроб через 8 часов после начала спектакля, уже без официального кортежа и сопровождаемый только любопытной толпой, был доставлен на кладбище Монтжуик, его невозможно было похоронить до следующего дня, поскольку сотни венков загораживали проход, яма оказалась слишком мала, и сильный ливень мешал ее расширить.

Мы можем так никогда и не узнать, как погиб Дуррути, потому что существуют семь или восемь противоречащих друг другу версий. Но самое интересное – это задаться вопросом, почему он погиб спустя всего 2 недели после своего выступления по радио. Радиообращение Дуррути было воспринято как опасная угроза, на которую последовал незамедлительный ответ на чрезвычайном заседании Совета Женералитета, и прежде всего – в жестком выступлении Комореры, которое едва сдерживали НКТшники и ПОУМовцы, хотя, в конечном счете, все поклялись общей задаче исполнять и заставить исполнять декреты.

Священное антифашистское единство между рабочими бюрократами, сталинистами и буржуазными политиками не могло терпеть неконтролируемых такой величины, как Дуррути: вот почему его смерть была крайне необходима. Выступая против милитаризации милиций, Дуррути воплощал в себе оппозицию и революционное сопротивление против роспуска комитетов, буржуазного руководства войной и государственного контроля над предприятиями, экспропрированными в июле. Дуррути погиб, потому что превратился в опасную преграду для контрреволюции на марше.

Вот почему Дуррути следовало убить дважды. Год спустя, отмечая годовщину его смерти, всевластная пропагандистская машина сталинистского правительства Негрина поработала в полную силу, чтобы приписать ему авторство лозунга, первоначально придуманного Ильей Эренбургом и поддержанного затем бюрократией высших комитетов НКТ-ФАИ. Он гласил нечто прямо противоположное тому, что всегда говорил и думал Дуррути: «Мы отказываемся от всего, кроме победы». Это означало, что Дуррути отказался от революции. У нас не осталось даже полной и достоверной версии его речи, переданной по радио 4 ноября, потому что анархистская печать смягчила и отцензурировала Дуррути еще при жизни.

Мертвый Дуррути уже мог стать богом. И даже подполковником Народной армии.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 22:25:41

Зверобой обновил 5 мая 2025 22:26:58